

Т. В. Воробьева
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ АТР

Аннотация. В статье с геополитических позиций рассматриваются проблемы развития дальневосточных территорий с периода их освоения до начала XX в. Рассмотрены различные подходы к оценке роли Дальнего Востока во внешней и внутренней политике государства.

Ключевые слова: Дальний Восток, геополитика, территория, интересы, центральные власти, освоение, флот.

T. V. Vorobieva
FAR EAST OF RUSSIA IN THE GEOPOLITICAL SPACE
OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. The article considers the development of the Far Eastern territories from the period of their development until the beginning of the 20th century from a geopolitical perspective. Various approaches to assessing the Far East in the foreign and domestic policy of the state are considered.

Key words: Far East, geopolitics, territory, interests, central authorities, development, fleet.

Несмотря на то, что геополитика как наука окончательно оформилась на рубеже XIX–XX вв., понимание роли географического фактора в истории государства формировалось одновременно с зарождением государств. Считается, что первыми обратили внимание на связь государства и пространства, в котором оно находится, древние греки. И, развиваясь вместе с человеческой цивилизацией, к концу XIX в. многочисленные теории, отражающие влияние природных факторов на внутреннюю и внешнюю политику государства, сформировали геополитику – и как науку, и как сферу прикладной деятельности. Были определены такие ее важнейшие категории, как интерес и национальная безопасность государства, способы их реализации, экспансия, могущество и иные.

В основе национальных интересов каждого государства находится его безопасность. Для России проблема безопасности всегда была определяющей не только во внешней, но и во внутренней политике страны. В связи с этим в первый период своей истории она уделяла максимальное внимание южным и западным границам государства. Это диктовалось постоянной угрозой со стороны западных государств, стесненных в границах своими соседями и желающими компенсировать недостаток своих земель за счет сопредельных государств.

Стремление к захватам было источником внешней угрозы Киевской Руси с начального периода ее существования. Столкновения с печенегами, половцами, рыцарями Ливонского Ордена, шведскими крестоносцами, Речью Посполитой и другими западными государствами, стремившимися расширить свои владения за счет Руси-России, вынуждали тратить большие человеческие и материальные ресурсы на содержание армии, строительство мощных защитных сооружений, таких как засечная черта, последняя из которых была построена во времена Бориса Годунова [36].

Не менее беспокойным было и южное соседство Великой Порты, замирать которое удавалось лишь периодически. Другая ситуация складывалась на восточном направлении – единственная мощная разрушительная волна монгольского нашествия окончательно сошла на нет в 1480 г., когда стояние на Угре положило конец монгольскому преобладанию [25, с. 280–290]. С этого времени начинается движение России на восток. Причины его были многочисленны и разнообразны. Многие англоязычные историки считают, что это был своеобразный «русский ответ» монгольскому нашествию [6, р. XXXIX].

Несомненно, что продвижение государства на восток было результатом относительного истощения пушных животных в легкодоступных местах, а степень их истощения определила быстроту экспансии. Сибирская пушная торговля в XVI–XVII вв. была одним из лучших источников доходов российского государства и самой большой статьёй в его внешней торговле. Завоевание Сибири – это процесс, идущий по рекам и волокам, вдоль которых двигались казаки и войска, ставились остроги и зимовья. Государство следовало за промышленниками, обеспечивая сбор податей с местного населения. После победы Ермака над Кучумом Москва осознала, какие ей представились возможности – не только использования области для защиты «заднего двора» Европейской России от набегов сибирских народов, но также и для создания выгодной базы для продвижения в Азию [2, с. 68]. Именно в это время очень ярко проявился такой геополитический фактор, как экспансия – расширение территории государства.

Народы северной Азии были немногочисленны, большей частью представлены примитивными, взаимно враждующими охотничьими племенами, готовыми служить русским одни против других. Поэтому экспансия проходила достаточно быстро, и движение затормозилось только когда казаки подошли к зоне геополитического влияния Китая. Встреча с организованной цивилизованной властью Китайской империи привела к тому, что для русских «дикий негостеприимный Становой хребет оставался „фронтиром” еще сто семьдесят лет» [7, с. 290]. Это была первая встреча с геополитическим соперником на востоке. Однако это столкновение интересов не привело к серьезному конфликту с Китаем, что объяснялось значительно превосходящей численностью китайского войска. Но впереди еще оставались земли, не находящиеся под непосредственным контролем сопредельных государств, что позволило продолжить экспансию, минуя негостеприимное Приамурье. Таким образом, Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, значительно отличающиеся по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств [26, с. 9].

В ходе подчинения сибирских территорий и народов в конце XVI–XVII вв. геополитический мотив состоял в распространении русской государственности на обретенной территории. Российская власть проводила кардинальное реформирование сибирских социумов, порой весьма аморфных, в понятные ей политические, социальные и территориальные единицы и структуры, которые адаптировались к институтам и практикам российской государственности [15, с. 436]. Несмотря на несовершенство системы управления вновь занятыми землями, контроля, идущего из далекой столицы в виде бесконечных потоков инструкций, сменяющихся чиновников, Москве удалось, по крайней мере, заложить базис правительственной организации и постепенного экономического и научного развития [7, с. 31–32].

В. Д. Поярков совершил одну из наиболее выдающихся экспедиций своего времени, даже несмотря на то, что потерял в ней более половины людей, отправившихся вместе с ним. Он был первым европейцем, прошедшим по Амуру, и первым, исследовавшим область серьезно: землепроходец поместил на карты все реки, встречавшиеся на его пути, от него в России узнали об Охотском побережье информацию, дополненную в следующем, 1647 г., когда М. В. Стадухин разведает это побережье от реки Охты до Пенжинской бухты. Вернувшись, Владимир Поярков разработал и подал местным воеводам план по завоеванию Амурской области [3, с. 158–159].

Таким образом, согласно определению Фернана Броделя, в России складывался «мир-империя», что подразумевает наличие «центра» и «периферий» с наличием различных видов неравенства периферийных регионов по отношению к центру, где располагалась сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение [9]. Действительно, «прирастающие» к российскому государству дальневосточные территории, долгое время оставались слабо освоенными и, в основном, это происходило потому, что правительство еще плохо понимало свои геополитические возможности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

К началу XVIII в. интерес к пушнине все больше уступал место крестьянскому поселенцу и шахтеру. Шло развитие горного дела, организованное правительством исследование недр, добыча золота и серебра, руд цветных металлов, на чем все более концентрировалось государство. Именно в XVIII в. начато освоение Нерчинских серебряных месторождений, имевших в дальнейшем важное значение для экономики не только Дальнего Востока, но и всей России. На Аргуни наладили выплавку из местной руды свинца; началась разработка некоторых из обнаруженных еще в XVII в. залежей слюды.

Добыча железной руды всюду давала толчок развитию значительного для Сибири кузнечного производства и промышленности в целом, помогала двигать границы дальше. Здесь Россия обрела гигантские территории со многими тысячами подданных аборигенного населения и изобилие природных ресурсов, которые она, как и любая метрополия, использовала для своей собственной выгоды. Таким образом, считал американский историк Р. Фишер, Россия следовала путем создания империи [1, с. 28].

Период всего XVIII в. был временем окончательного формирования глобальных геополитических интересов государств. От того, насколько правители понимали интересы своих стран, их возможности, связанные с пространственным положением, зависела дальнейшая судьба государства и его народа. Так, в 1421 г. в Китае династия Мин, оставившая образцы величайшего средневекового

военного флота со знаменитым флотоводцем Чжэн Хэ, решила сменить столицу и покинула Нанкин. Новая столица – Пекин, в отличие от Нанкина, открывавшего Синею рекой пути для морского судоходства, оказался в самом центре суши. В результате громадный Китай расстался с экономической деятельностью, связанной с удобствами морского сообщения. «Именно в этот момент Китай проиграл в борьбе за господство над миром ту партию, которую он, не слишком это сознавая, открыл морскими экспедициями начала XV в., отправлявшимися из Нанкина» [9]. А в XVI в. свои позиции великой морской державы сдала и Испания, перенесла столицу из Лиссабона, обращенного к морю, в Мадрид, также находящийся в центре суши, и навсегда потеряла контроль над морем, а вместе с ним и мировое влияние.

Однако на рубеже XVII–XVIII вв., когда в мировой политике еще значительна была власть теллурократии, Китай проявил себя на суше государством политически могущественным, агрессивным и жаждущим новых завоеваний. Нерчинский договор 1689 г. остановил русское движение в бассейне Амура. В 1722 г. даже русские купцы были выставлены из Пекина, и только после заключения Кяхтинских договоров (20 августа и 21 октября 1727 г.), определивших монголо-сибирскую границу и учредивших российско-китайскую ярмарку, отношения несколько улучшились. Однако Китай никогда не оставлял своих экспансионистских интересов, считая, что Россия оккупировала земли, которых Китай был лишен еще в результате монгольских завоеваний.

Россия также долгое время прирастала сушей, создавая великое теллурократическое государство. За одно столетие русские в поисках пушнины этап за этапом овладели бассейнами Оби, Енисея, Лены и в 1689 г. остановились у Амура. Камчатка будет включена в состав государств в 1697 г., начиная с 1728 г. начались экспедиции к Северо-Западу Америки, в 1799 г. основана Российско-американская компания (РАК). Именно стремление Петра I к морям демонстрировало его глубинное геополитическое понимание России. Он первый осознал возможности, которые получает государство, имеющее выход к морю. Отсюда его Азовские походы (1695–1696 гг.), Северная война (1700–1721 гг.) за выход в Балтийское море, Персидские походы (1722–1723 гг.), и, наконец, организация Первой Камчатской экспедиции. Все перечисленные мероприятия были направлены на выход России к морям и закрепление за ней этих позиций. Мы можем назвать это политическим чутьем, поскольку теоретические работы о роли морей в жизни государств еще не были написаны. Но в отличие от правителей Китая и Испании, потерявших преимущества использования морских побережий, первый российский император упорно выводил государство к морям.

Выход Российской Империи в пространство Тихого океана столкнул ее с крупными колониальными империями – Испанией, Великобританией, Соединенными Штатами Америки. Характер этого соседства был несравним с продвижением по материковому пространству Сибири, где рассеянные, технологически отсталые коренные народы не представляли опасности российской экспансии. Здесь важнейшим геополитическим фактором превосходства становится обладание военным флотом и достаточным количеством населения для его создания и обслуживания.

В 1899 г. в США будет опубликована книга Альфреда Мэхэна «Влияние морской силы на историю, 1660–1783», в которой он первым ввел в научный оборот понятия «господство на море» и «морская мощь», наличие чего, как показала впоследствии мировая практика, явилось основным условием как ведения морской войны, так и борьбы за мировое господство [19]. Изучив историю борьбы за превосходство в мире величайших империй, А. Мэхэн пришел к выводу, что решающую роль в ней играет наличие морских портов, а в них – торгового и военного флота. В свою очередь, главными условиями, обеспечивающими такую силу государства, считал американский геополитик, являются географическое положение, размер территории, количество и характер народонаселения и, наконец, характер правительства [20]. А. Мэхэн справедливо упоминает мудрые или глупые решения правителей, которые либо способствовали усилению государства, либо, напротив, ухудшали его позиции в мире. Он оказался не только теоретиком-стратегом, но и активно занимался политикой, найдя массу последователей.

Работы Альфреда Мэхэна были переведены и изданы во многих странах, в том числе и в России. Однако в период освоения русскими первой заокеанской территории в российских столичных кругах это понимание долгое время отсутствовало. Для закрепления своих геополитических интересов Российская Империя не обладала ни Тихоокеанским флотом (как торговым, так и военным), ни необходимым количеством населения для строительства портовых баз и обслуживания этого флота. Известно, что после смерти Петра I русский флот надолго оказался в небрежении. Единственным человеком, осознающим выгоды России на Дальнем Востоке, необходимость обладания кораблями на всех рубежах империи, был современник Петра I, ненадолго переживший его, обер-

секретарь Сената И. К. Кирилов. Он вынашивал идею «Охотского проекта»: создания в Охотске военно-морской базы, которая должна была стать мощным кораблестроительным центром с развитым диверсифицированным хозяйством и торговлей для дальнейшего продвижения России на восток [24, с. 69–74]. Благодаря его стараниям, в мае 1731 года правительство приняло решение об улучшении управления Дальним Востоком и, в частности, Охотским краем и Камчаткой. В эти отдаленные регионы России были отправлены плотники, кузнецы, слесари, судостроители и флотские штурманы [32]. Но с уходом И. К. Кирилова из жизни внимание к Охотску было утеряно. И хотя он сыграл ключевую роль в подготовке двух экспедиций Витуса Беринга, со временем население стало покидать эти места, новых жителей не прибывало, и он так и остался крохотным поселением, неспособным стать надежной опорой ни для Второй Камчатской экспедиции, ни для заокеанской колонии в Русской Америке [21, с. 264–268].

Столица опять погрузилась в западные дела. Между тем вся первая четверть XVIII в. была на Дальнем Востоке периодом серьезных конфликтов сборщиков ясака с коренными жителями дальневосточных территорий. И хотя центральные власти считали, что все аборигенное население приведено в российское подданство, ситуация вовсе не была так благополучна: коряки Камчатки, не имея ресурсов для сопротивления, до середины 20-х гг. XX в. откочевывали на недоступные территории, а чукчи, формально объявленные российскими подданными еще в 1789 г., сохранили свою фактическую независимость до 1920-х гг., когда на Чукотке была установлена Советская власть [13, с. 13]. С другой стороны, большинство пришедших россиян быстро перенимали охотничьи и иные навыки, обычаи местного населения, не стремились изменить привычный уклад их жизни, да и сами зачастую вынуждены были приближаться к нему в быту. Деятельность миссионеров РПЦ, активно защищавших права коренных жителей на окраинах Российской Империи, в том числе и на Аляске, склоняла их к российскому выбору. Однако пренебрежение империи к происходящему на периферии вскоре привело к восстанию Мауриция Августа фон Беньевского, планировавшего «пригласить иностранцев, нуждавшихся в переселенцах, и предложить им прислать на Камчатку фрегат и небольшой бот для разездов по гаваням, и увезти камчатских жителей в колонии, где бы они могли иметь во всем изобилие и волю» [29, с. 340].

Побег Беньевского имел серьезные геополитические последствия: во-первых, он привлек внимание иностранных морских держав к неизвестному им до этого Восточному океану, что повлекло за собой приход в эти места английских, испанских, американских и французских кораблей, обострив конкуренцию в этом регионе. Во-вторых, благодаря письмам графа Мауриция Августа фон Беньевского Япония была предупреждена о возможной экспансии России на Дальнем Востоке [8, с. 53–68]. Привлеченные этими событиями в Азиатско-Тихоокеанский регион иностранные предприниматели стали активно завоевывать рынки. Все эти обстоятельства привели к тому, что созданная впоследствии Российско-американская компания оказалась в зависимости от испанских, английских, американских поставок, а также от компании Гудзонова залива. Но активность геополитических противников России на Тихом океане заставила правительство задуматься о сохранении своих границ.

В декабре 1786 г. последовал Указ Екатерины II Коллегии иностранных дел о сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане [31, с. 259].

Частые посещения Чукотки английскими и американскими кораблями вынудили Петербург выставить на Чукотке, в местах, наиболее удобных для посещения с моря, деревянные доски с изображением российского герба, «чтобы всякой по вступлении на берег и без помощи словесных изъяснений по тем знакам мог узнавать, что сии чукоцкие народы принадлежат Российской империи» [14, с. 36]. Одновременно было решено отправить экспедицию Г. И. Муловского на Тихий океан (1787 г.), чтобы установить металлические пограничные знаки с гербом России на российских островах, нанести на карту верные начертания Курильских островов и Сахалина, а также препятствовать вторжению в российские воды иностранных кораблей. Но вновь европейский театр действий поменял планы императрицы – под предлогом начала войны со Швецией (1788–1791 гг.) экспедиция Муловского была отозвана [28, с. 232]. Тем не менее, повеление императрицы ставить на территории РАК гербы и доски с надписью «Земля российского владения» выполнялось [18, с. 129–135].

Непонимание геополитических выгод присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, относительное небрежение ее проблемами на периферии объяснялось также тем, что практически весь XVIII в. ее стратегические противники решали свои основные задачи в других регионах. Поэтому и кругосветные экспедиции были организованы в первую очередь для доставки на Аляску продовольствия и товаров, а не для защиты российских интересов в Пасифике. Интересен

пример с Гавайскими (Сандвичевыми) островами, непосредственное знакомство с которыми произошло в 1804 г. во время кругосветного путешествия «Надежды» и «Невы» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Отметим, что и до этого связи с островами поддерживали промышленники РАК. Король Сандвичевых островов Тооме-Оме-О настолько проникся теплыми чувствами к российским колонистам РАК, что предлагал всяческую дружбу правителю компании А. А. Баранову. Король Томари (так в русских документах именовался Камеамеа I), даже выразил желание «согласиться поступить своим островом в подданство России» [27, с. 175]. И. Ф. Крузенштерн, рассмотрев ситуацию, пришел к выводу, что вполне возможна покупка на Гавайях участка земли или даже его полного перехода к России. Впоследствии, в 1808 г., будучи на Камчатке, Л. А. Гегемейстер разработал и подал Н. П. Румянцеву, министру торговли, проект основания сельскохозяйственной колонии на Сандвичевых островах. Главное правление РАК, постоянно сталкивающееся с проблемой обеспечения колонистов продовольствием, горячо поддержало проект, однако Петербург его проигнорировал. А в январе 1818 г. Александру I от Главного Правления РАК была подана записка о стратегическом значении этих островов для Российской Империи. Но император решил, что приобретение Сандвичевых островов не принесет России никакой пользы, а напротив, будет связано со многими неудобствами [16, с. 291]. Такие решения объяснялись стремлением правительства избежать конфликтов с соседними государствами. Но исторический опыт показал, что во внешнеполитических отношениях политика, как и дружбы, не существует. Идея главенства силы в реализации интересов государства все уверенней проявлялась в действиях крупнейших держав. Попытки сохранить Гавайи для России продолжались еще три года, когда в 1819–1821 гг. в Америку были направлены три морские экспедиции, на которые было израсходовано более 2,4 млн рублей. А в 1898 г. острова были аннексированы США [11, с. 138]. Так непонимание геополитических преимуществ нахождения России на Тихом океане привело к тому, что сначала Александр I отказался от предложения взять под протекцию Сандвичевы острова, а затем, в 1841 г., была продана колония Форт-Росс в Калифорнии, способная производить сельскохозяйственную продукцию для колонистов РАК. И если Россия считала, что таким образом «замирила» США, то события Крымской войны, с попыткой англо-французской эскадры уничтожить эскадру Е. В. Путятина и захватить стратегические позиции Петропавловска-Камчатского в 1854–1855 гг., еще раз продемонстрировали возрастающую значимость талласократии – власти моря.

К сожалению, Россия в это время более была заинтересована в закреплении на суше. Некогда грозный соседний Китай, будучи втянутым Великобританией, Францией и США в «опиумные войны», был вынужден искать поддержку у России, что стоило ему потери Приамурья. Правительство Александра II, получив по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам желанные земли у Амура, в 1867 г. продало территорию Российско-американской компании. Таким образом, руководству РАК не удалось решить возложенные на него геополитические задачи.

Между тем Соединенные Штаты, используя свое преимущество в китобойном флоте, не только расхищали морские богатства Российской Империи, но и не оставляли надежд поселить своих колонистов в Приамурье. С этим предложением в 1858 г. обратился к генерал-губернатору Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому Де Фриз, американский предприниматель. К счастью, губернатор был блестящим политиком и прекрасно понимал, что вслед за переселенцами могут прийти войска, и недавно обретенный Амур вновь может быть утерян, поэтому попытка американской фермерской колонизации была губернатором пресечена [12, с. 508].

Только на рубеже XIX–XX в. к России приходит осознание возрастания роли Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно в этот период в военных учебных заведениях европейских стран начинается изучение работ Альфреда Мэхэна, его труды переводятся и на русский язык.

Но если в Соединенных Штатах доктрина морской силы, подхваченная Теодором Рузвельтом, вскоре становится внешнеполитическим фундаментом государства, сохраняя свою актуальность по настоящее время, Российская Империя обратила внимание на отсутствие морской стратегии лишь после поражения в войне с Японией 1904–1905 гг. [33]. Победа Японии над Россией в 1905 г. вскрыла все недостатки дальневосточной политики России: неразвитую транспортную инфраструктуру, малую плотность населения, слабо развитую промышленность. Поражение резко ухудшило российские позиции. Япония, хозяйничая в Охотском море, получила полный доступ к внутренним водам, а южная часть Сахалина могла стать базой для японского флота. Пришло осознание того, что на Дальнем Востоке Россию ожидают все усиливающиеся геополитические соперники. Здесь, на Тихом океане, защитить свои интересы можно было, только имея современный мощный флот. В свою очередь, для флота требовались базы на суше, которые можно было обеспечить лишь за счет интенсивного развития экономики региона [10].

Россия входила в очередной этап расстановки сил в Тихоокеанском регионе. Она оказалась рядом с двумя активно развивающимися государствами, каждое из которых претендовало на ведущую роль в АТР. Период между русско-японской войной и Первой мировой стал десятилетием активного освоения Россией Дальнего Востока, создания Тихоокеанского флота. Но это поступательное движение было остановлено Первой мировой войной и последовавшей за ней социалистической революцией. Американская и японская интервенция стали подтверждением того, что территории Дальнего Востока по-прежнему остаются в зоне интересов этих государств. Только создание Дальневосточной Республики (1920–1922) спасло российский Дальний Восток от полного разорения, а возможно, и от потери этой территории Россией.

Проводимая молодым Советским государством концессионная политика с одной стороны удерживала США и Японию от прямой агрессии, с другой стороны дала возможность иностранцам еще несколько лет хозяйничать в российских водах. Но успешное сотрудничество с крупным бизнесом США позволило освободить территорию от оккупации японскими войсками. Однако для установления полного контроля над происходящим на окраинах молодой Советской республики в первые годы ее власти ресурсов было недостаточно. Поэтому в начале 20-х гг. XX в. гораздо большие выгоды из этих территорий извлекали предприниматели и торговцы США, а также Японии и Китая.

В это время Советское правительство получило предложение от В. Б. Вандерлипа создать концессию по добыче полезных ископаемых на Камчатке, что, в случае ее успешной реализации, могло привести к окончательному переходу геополитической инициативы в руки американцев. К счастью, В. И. Ленин не поддержал эту сделку, хотя переговоры с американцем велись достаточно долго, поскольку это было своеобразной демонстрацией капиталистическим государствам возможности сотрудничества стран с различными социально-политическими системами [17, с. 121–123].

Одной из важнейших внешнеполитических заслуг созданного Советского государства было постоянное внимание к Дальнему Востоку, строительство оборонных рубежей, новых городов, создание советского Тихоокеанского флота, развитие промышленных объектов. В 1934 г. создана Еврейская Автономная область. Именно такой подход позволил СССР сдерживать милитаристическую Японию от нападения на дальневосточные территории в период II мировой войны и впоследствии одержать победу над ней. Единственной постоянной проблемой, не позволяющей успешно и максимально эффективно реализовать планы, по-прежнему был недостаток населения. Наличие грамотного, трудоспособного населения, которое может обеспечить не только безопасность прибрежных границ, но и двигать их дальше в плане не только территориальном, что в современных условиях практически исключено, но и экономическом, политическом, научном, технологическом, расширяя влияние государства на сопредельные территории, является важнейшим геополитическим преимуществом. Именно это стратегическое преимущество уже не первое десятилетие используют США. Весь период своего существования правительство СССР пыталось решить проблему заселения Дальнего Востока, используя различные инструменты, – от обеспечения дальневосточников различными льготами, до использования на этих территориях труда заключенных [34, с. 151; 35, с. 247–253].

Но крушение Советского Союза показало, что удержать население на Дальнем Востоке без обеспечения качественного уровня жизни, социальных льгот практически невозможно. За короткий период, с 1991 по 2000 гг., регион потерял 1 232 тыс. человек, или 15,3 % собственного населения [22]. Этот демографический кризис развивался на фоне стремительного роста экономической мощи стран АТР: теперь уже не только Японии и США, но и Китая, Южной Кореи, а также других «азиатских драконов», активно использующих «отбирающую» стратегию развития научно-технического потенциала на важнейших направлениях, таких, как микроэлектроника, биотехнология, тонкая химия, волоконная оптика и других. В этих неравных условиях вновь возникла угроза потери Россией Дальнего Востока. Так, в начале 90-х гг. XX в. Уолтер Рассел Мид, сотрудник американского Института мировой политики, предложил президенту Клинтону выкупить у России Сибирь за три триллиона долларов с рассрочкой на 20 лет [23]. К счастью, пришедший в Российской Федерации к власти Президент В. В. Путин остановил губительные процессы и поставил задачу сделать Дальний Восток платформой и локомотивом интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Таким образом, большая часть дореволюционной истории Дальнего Востока была временем поисков концепции его развития, зачастую с отсутствием понимания геополитической значимости этого региона для государства. Россия не желала отказываться от этих земель, поскольку они всегда были источником сырья для западных и центральных районов, а также формировали крупнейшую

теллурократическую империю, но и не могла долгое время сформулировать собственную позицию, что приводило к периодическим отступлениям и потерям.

В последнее десятилетие существования Российской Империи Россия пришла к пониманию роли Дальнего Востока, хотя не успела реализовать все задуманное. Дважды Россия оказывалась на грани потери Дальнего Востока – в начале XX в. и на рубеже XX–XXI вв. За этот период вновь значительно изменился геополитический расклад сил в АТР, передвинув регион в центр международной политики. Но практически каждое государство, граничащее с Российской Федерацией на Дальнем Востоке, выдвигает к ней свои территориальные претензии: Китай надеется вернуть Приамурье, потерянное в конце XIX в.; Япония – Сахалин и Курильские острова; КНДР – остров Ноктундо (российское название Олений), который сначала был оккупирован Китаем, а в результате подписания Пекинского договора 1860 г. перешел к России; США считают, что им должна принадлежать большая, нежели сейчас, часть шельфа Берингова моря и, наконец, Монголия, где все яснее проявляются настроения панмонголизма, мечтает вернуть завоевания Чингиз-хана. Каждое из этих государств «наращивает» свои милитаристические мускулы и, чтобы не оказаться в геополитической ловушке, у российского Дальнего Востока есть только один выход: «эффективно адаптировать свою внутреннюю и внешнюю стратегию» к основным тенденциям глобального и регионального развития [30, с. 85].

1. Fisher Raymond H. The Russian fur trade 1550–1700. Berkeley and Los Angeles : University of California press, 1943. 267 p.
2. Kerner Robert Joseph. The urge to the sea. The course of Russian History. The role of rivers, portages, ostroms, monasteries and furs. Berkeley and Los Angeles, 1942. P. 68.
3. Lantzeff G. V., Pierce Richard A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal ; London : Gill – Queen’s press, 1973. 226 p.
4. Mahan A. T. Sea Power in Relation to the War of 1812. Op. cit.; Mahan A. T. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London : Sampson Low, Marston and Co., 1900. 223 p.
5. Mahan A. T. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. 2012. 341 с.
6. Russian penetration to the North Pacific Ocean. 1700–1799. To Siberia and Russian America. Three centuries of Russian Eastward Expansion / Edited and translated by B. Dmytryshyn. Oregon Historical society press, 1988. Vol. I. EAP.
7. Sumner B. H. Survey of Russian History. London ; New York : Duckworth, 1947. 464 p.
8. Аров В. Н. «Лиша чинов... сослать в Камчатку» // Вестник КРАУНЦ. Сер.: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 53–68.
9. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3 : Время мира. URL: <https://litvek.com/book-read/425592-kniga-fernan-brodel-vremya-mira-chitat-online?p=7>
10. Виноградов С. Е. Последние исполины Российского Императорского флота. Линейные корабли с 16-й артиллерией в программах развития флота. 1914–1917 гг. СПб. : Галей Принт, 1999. 408 с.
11. Воронов Ю. П. Хозяйственное управление Сибирью. Исторические параллели // ЭКО. 2011. № 10.
12. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 846 с.
13. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. (Труды гуманитарного факультета).
14. Он же. Русско-чукотские переговоры 1778 года и принятие чукчей в подданство России // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 : Археология и этнография (Прил. 1).
15. Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII вв. Новосибирск, 2017. 444 с.
16. История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2 : Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). 472 с.
17. Лисицына Е. Н. Кто вы, «хан Камчатки»? (к портрету Вашингтона Б. Вандерлипа) // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...» : материалы XXVIII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 120–123.
18. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. 200 с.
19. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783 / пер. Н. П. Азбелев. М : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2002. 634 с.
20. Он же. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю : [в 2 т.]. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2002.
21. Носкова О. Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие Российской науки // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 1. С. 264–268.
22. Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 20 июля 2017 г. № 1298-р // Собрание законодательства РФ. 2017. 3 июля (№ 27). Ст. 4062.

23. *Омельчук А.* Покушение на Сибирь. План Мида. URL: <https://sx888.livejournal.com/281692.html>
24. *Петрухинцев Н.* Прорыв на Восток: истоки и исход второй экспедиции Беринга // Родина. 2009. № 2. С. 69–74.
25. *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280–290.
26. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
27. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX вв. : сб. материалов / отв. ред. И. Ю. Крачковский. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1944. 224 с. (Записка приказчика РАК Н. И. Коробицына).
28. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. / сост.: Т. С. Федорова [и др.]. М. : Наука, 1984. 320 с.
29. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Морской сборник. 1869. № 6. С. 57, 340.
30. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011. 480 с.
31. ЦГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 2. Л. 259.
32. *Ципоруха Л. И.* Первопроходцы. Русские имена на карте Евразии. М. : ЭНАС-КНИГА, 2016. 352 с.
33. *Шаццло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М. : Наука, 1968. 367 с.
34. *Широков А. И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан : Кордис, 2000. 151 с.
35. Он же. Государственные монополии как форма колониционной политики на Севере России в XX в. // Диковские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н. Н. Дикова. Магадан, 2001. С. 247–253.
36. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 312 с.

С. В. Гаврилов
МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КАМЧАТСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье рассказывается о вновь выявленных в последние годы материалах из истории старшей культурно-просветительной организации полуострова – Камчатского краевого объединённого музея, которому в 2021 г. исполняется 110 лет. Материалы охватывают 1892–1893, 1920, 1924 и 1926–1945 гг.

Ключевые слова: Камчатка, музей, краеведение, отдел, выставка, экспонаты, экспозиция.

S. V. Gavrilov
MATERIALS ON THE HISTORY OF KAMCHATKA
LOCAL HISTORY MUSEUM

Abstract. The article presents recently discovered materials on the history of the oldest cultural and educational institution of the peninsula – Kamchatka Regional United Museum. In 2021 it celebrates the 110th anniversary. The materials cover the periods of 1892–1893, 1920, 1924 and 1926–1945.

Key words: Kamchatka, museum, local history, department, exhibition, artefact, exposition.

В 2021 г. он, ныне носящий официальное название «Краевое государственное бюджетное учреждение “Камчатский краевой объединённый музей”», будет отмечать своё 110-летие. Мало какое сооружение или здание во всём нашем огромном крае, не говоря уже об учреждении или организации, может гордиться таким солидным стажем. В этой связи вспоминаются памятник-часовня на братской могиле защитников Петропавловского порта в 1854 г., открытый 24 августа 1912 г. по старому стилю, да несколько деревянных зданий в исторической части Петропавловска. Они тоже появились в 1910-х гг. благодаря трудам второго губернатора Камчатской области В. В. Перфильева, некоторые из них ныне пребывают в весьма неприглядном виде. Единственным